*Попов С. Л.,**доктор филологических наук,**профессор факультета русского языка**Южнокитайского университета имени Сунь Ятсена*

К ВОПРОСУ О МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПЕРЕНОСЕ КАК КОРРЕЛЯТЕ ПОВЕРХНОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАТЬ НОВОЕ ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ: КОНТРАСТИВНАЯ И НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ

Анотація. Статтю присвячено походженню метафор, яке традиційно викликає інтерес багатьох лінгвістів, але когнітивно-еволюційний підхід до розгляду цього питання слід визнати реалізованим не повною мірою. Основною когнітивно-еволюційного підходу є визнання існування когнітивно-еволюційного алгоритму «сприйняття → логічність мислення → логічність мови», де сприйняття може бути: 1) абсолютно правопівкульовим синкретичним, тобто цілісним, не таким, що дозволяє диференціювати ознаки і категоризувати те, що пізнається; 2) значною мірою правопівкульовим поверхневим, тобто орієнтованим на найближчі, найбільш помітні, «такі, що лежать на поверхні», ознаки, за якими і відбувається категоризація, часто помилкова; 3) лівопівкульовим альтернативним, тобто орієнтованим на всі наявні ознаки, завдяки чому може бути обрана ознака, категоризація за якою є коректною.

Метою статті є подання контрастивних і нейропсихологічних доказів обумовленості метафор поверховістю сприйняття можливості створити нове лексичне значення. Контрастивна верифікація цього положення здійснюється на матеріалі досить відомих зоометафор, утворених від назв чотирьох добре відомих тварин: їжака, зайця, черепахи і слона. Поверховість сприйняття ознаки для метафоричного перенесення у контрастивному аспекті підтверджується тим, що у різних мовах назва однієї тварини метафоризується по-різному, а з безлічі ознак цих тварин для створення метафор в одній мові випадково вибирається лише одна, і в різних мовах це ознаки різні. Поверховість сприйняття ознаки для метафоричного перенесення в нейропсихологічному аспекті підтверджується шляхом посилання на відповідні дослідження Т.В. Чернігівської, результати якого свідчать про те, що утворення та розпізнання метафор відбуваються у правій мозковій півкулі, з діяльністю якої корелює саме поверхнєве сприйняття.

Доводиться наукова неспроможність аргумента про те, що відмінність метафор у різних мовах обумовлено відмінністю культур. Акцентується увага на тому, що яскраві авторські метафори створюються не цілеспрямовано шляхом ретельного ментального перебору всіх ознак предмета, а шляхом відчуття раптового правопівкульового осяяння.

Ключові слова: метафора, когнітивно-еволюційний підхід, сприйняття, функціональна диференціація півкуль мозку, контрастивна лінгвістика, нейропсихологія.

Постановка проблеми. Происхождение метафор традиционно вызывает интерес многих лингвистов, но примененный к рассмотрению этого вопроса когнитивно-эволюционный подход, характеризующийся повышенным вниманием

к восприятию и качественно обусловленной им логике, следует признать реализованным не вполне. Имеются новые, контрастивные и нейропсихологические, сведения, которые позволяют применить здесь этот подход в более полной мере.

Анализ последних исследований. В 2016 году в индексируемом в наукометрической базе SCOPUS словенском журнале “Jezikoslovni zapiski” была опубликована статья автора под названием «Метонимия и метафора как корреляты двух этапов вынужденно поверхностного восприятия возможности создать новое лексическое значение», в которой, с позиций разработанного автором когнитивно-эволюционного подхода, приводились доказательства того, что не только метонимия, но и метафора является следствием поверхностности восприятия возможности создать новое лексическое значение [5], и которая получила поддержку многих коллег.

Напомним, что основой когнитивно-эволюционного подхода является признание существования когнитивно-эволюционного алгоритма «восприятие → логичность мышления → логичность грамматики» (в дальнейших исследованиях автора – также фонетики и лексики), где восприятие может быть: 1) абсолютно правополушарным синкретичным, то есть целостным, не позволяющим дифференцировать признаки и категоризировать познаваемое; 2) в значительной мере правополушарным поверхностным, то есть ориентированным на ближайшие, наиболее заметные, «лежащие на поверхности» признаки, по которым и происходит категоризация, часто ошибочная; и нормативным; 3) левополушарным альтернативным, то есть ориентированным на все имеющиеся признаки, благодаря чему может быть выбран признак, категоризация по которому корректна [4, с. 5–105; 3, с. 64–142]).

В течение следующих после появления указанной статьи трех лет автору не раз приходилось не только встречать единомышленников, но и вступать в дискуссии с лингвистами, которые видели в метафоре существенный прежде всего для поэзии источник яркой образности, на позитивном фоне которого им было трудно согласиться с идеей его происхождения от столь негативного когнитивного явления, как поверхностное восприятие (хотя никто никогда не утверждал, что правополушарность всегда негативнооценочна. В сфере искусства она абсолютно позитивна и органична, постольку за создание произведений искусства, к которым автор относит поэзию, отвечает именно правое полушарие мозга). По этой причине ученые приходили к логичному для такой позиции заключению, что

метафоры являются результатом альтернативного восприятия и что поэты, осознанно перебирая признаки предмета, осуществляют выбор одного из них для метафорического переноса.

В упомянутой выше статье поверхностность восприятия возможности создать метафору доказывается автором следующим образом: «Это восприятие возможности присвоить той же форме значение не того, что находится совсем рядом в пространстве или времени, как в случае с метонимией, а того, что противопоставлено прямому значению гораздо более заметно, чем при метонимии. Основанием для переноса является, как правило, лишь одна – удачно оказавшаяся «на поверхности» воспринимаемого – сравнительная по своей функции сема, общая для двух сущностей, например «упрямство» и / или «глупость»: *Осел не хотел тащить повозку – Какой же ты, Иван, осел*; «перемещение вверх, то есть на более заметное и подходящее место»: *поднять упавшую на пол газету – поднять вопрос о членстве в ЕС*; «воздействие на организм и психику человека»: *горячий, теплый или холодный чай – «горячий, теплый или холодный прием»* [5, с. 39–40]. С учетом показанных выше разногласий представляется нелишним подкрепить данную, не выходящую за пределы русского языка, констатацию контрастивными и нейропсихологическими сведениями.

Целью статьи является представление контрастивных и нейропсихологических доказательств обусловленности метафор поверхностностью восприятия возможности создать новое лексические значение.

Изложение основного материала. Говоря о привлечении к исследованию метафор контрастивных сведений, автор исходит из возможности эмпирически достоверного сравнения разноречивых зоометафор в тех весьма распространенных случаях, когда одно и то же животное в разных языках (одним из которых является русский) метафоризируется по совершенно разным признакам. В рамках статьи автор ограничивается рассмотрением достаточно известных зоометафор, образованных от названий четырех хорошо известных животных: ежа, зайца, черепахи и слона.

В русском языке зоометафора *еж* обозначает человека, щетинящегося недружелюбием как колючими иглами. Если с таким человеком попытаться вступить в контакт, можно ощутить болезненное соприкосновение с «иглами» его характера (признак переноса значения – «болезненно колючие иглы»). В английском языке ежом называют человека, с которым трудно договориться, человека несговорчивого (похоже, что признак переноса значения здесь – характерное для ежа фырканье при тщетных попытках коммуницировать с ним). Следует вспомнить, что помимо признаков колючести и фыркания у ежа есть такие характерные признаки, как серый цвет, сравнительно небольшой размер, овальная форма тела, острая морда, короткие ноги, неожиданно высокая скорость передвижения и неповторимая способность в случае опасности свертываться в клубок с эффективной защитой иглами головы и живота. То, что носители русского языка не обратили метафоробразующего внимания на фырканье ежа, а носители английского – такого же внимания на колючесть ежа, то, что все множество признаков ежа, особенно весьма заметный последний, не стали основаниями для метафорических переносов можно объяснить только тем, что носители русского и английского языков (здесь и далее обобщено этих носителей. Как верно заметил М.Н. Эпштейн, «новое слово возникает в сознании и речи индивида, а затем

уже принимается или отторгается языковым сообществом. Народ как единое целое не может сам ничего написать или произнести, у него нет руки или рта» [7, с. 7]) среди ряда других очевидных признаков восприняли признаки колючести и фыркания как основания для зоометафорических переносов вполне случайно, руководствуясь сиюминутной потребностью назвать кого-то именем животного по внезапно ставшей их понятной общности. Налицо все необходимые признаки поверхностного восприятия (в описываемых ниже аналогичных случаях к столь подробной аргументации автор больше не прибегает).

Русская зоометафора *заяц* изначально (современное значение «безбилетный пассажир» сейчас не рассматривается) означает человека трусливого, в прямом или переносном смысле склонного быстро убежать от опасности (признак переноса значения – «трусость»). Носители английского языка зайцем называют человека, все успевающего, быстро все делающего и потому успешного (признак переноса значения – «скорость передвижения», которая распространяется на все действия человека). Помимо признаков трусости и скорости передвижения заяц обладает такими достаточно заметными признаками, как длинные уши, которые он для улучшения локации может поднимать, бег прыжками, съедобное для человека мясо, вполне ценный мех, способность менять цвет, поедание на огородах моркови, капусты и прочего, обгладывание коры молодых деревьев, странная манера барабанить лапами по пням. Однако носители русского языка не обратили метафоробразующего внимания на скорость передвижения зайца, а носители английского языка не обратили такого же внимания на трусость зайца (в самом деле, по свидетельству зоопсихологов, испуганное бегство – первая реакция мелких животных при встрече с более крупными и опасными, предшествующая реакциям борьбы и торможения), и ни один из множества других перечисленных признаков зайца для носителей русского и английского языков основанием для зоометафоризации не стал, потому что они поверхностно восприняли эти признаки зайца.

Русская зоометафора *черепаха* означает человека медлительного в пространственных передвижениях, чаще всего при ходьбе (признак переноса значения – «медленная ходьба», безусловно отрицательно оценочный). В китайском языке черепахой называют человека мудрого (признак переноса значения – «мудрость»). Европейцам непросто понять, что в необыкновенно медлительной, то есть – по европейским меркам – ничего не успевающей черепахе может быть мудрого, но, по всей видимости, на Востоке медлительность воспринимается в первую (и единственную) очередь как отсутствие суетливости, в силу чего медлительность оказывается оцениваемой позитивно.

Хорошо известно, что у черепахи имеется и ряд других признаков: короткие лапы (или ласты), похожая на змеиную голова, крепкий панцирь, способность прятать голову и ноги в панцирь в случае опасности. Но носители русского языка не сочли медлительность черепахи необходимым для зоометафоризации признаком отсутствия суетливости, а носители китайского языка не восприняли медлительность отрицательно, поскольку не обратили внимания на адаптивные преимущества скорости. И носители обоих этих языков не восприняли как метафоробразующий ни один из нескольких перечисленных признаков черепахи, зафиксировав лишь два не связанных друг с другом признака, чем тоже проявили поверхностность восприятия.

Русская зоометафора *слон* обозначает человека одновременно крупного, тяжелого по весу и неуклюжего (признаки переноса значения – «крупный размер», «очень большой вес» и «неуклюжесть»). В хинди, по сведениям его носителей, полученным автором путем опроса студентов из Индии, слоном называют девушку или женщину, обладающую грациозной походкой (признак переноса значения – «грациозная походка»). Европейцам кажется странным признание походки слона грациозной. Более того, им кажется, что поступь слона настолько тяжела, что при его передвижении слышится тяжелый топот и дрожит земля. На самом же деле – и об этом хорошо известно зоологам – благодаря специальному строению стоп слоны передвигаются хоть и не очень быстро, но мягко и бесшумно. И, конечно, об этом хорошо известно носителям хинди, которые, давно одомашнив слонов, видят их намного чаще европейцев и не могут отрицательно оценивать таких полезных в хозяйстве животных. У слона есть и другие признаки: бивни, достаточно большие уши, весьма универсальный по своим функциям хобот, особенный голос, способность плавать, возможность нести на спине седока или башню с людьми, боязнь лошадей (чем в свое время воспользовался Александр Македонский). Но носители русского языка и хинди эти особенности слона не восприняли и для создания зоометафор восприняли признаки совершенно разные, чем тоже, вне всяких сомнений, проявили поверхностность восприятия.

Весьма поучительным для понимания роли поверхностного восприятия в образовании метафор в древности является обращение к данным языков активного строя, то есть строя, который в весьма доказательной континентологической, то есть учитывающей особенности выражения субъектно-объектных отношений, типологии языков А.Г. Климова предшествует эргативному и затем номинативному языковым строям и характеризуется отсутствием прилагательных. Например, в языке тлингит существительное, обозначающее снег, употребляется в значении «белый», а существительное, обозначающее лед, – в значении «твердый» [2, с. 107]. В языках на-дене и тупи-гуарани очень распространены номинации, которые можно назвать имплицитно метафорическими. Они основаны на «тех или иных аналогиях, существующих между животным и растительным организмом и их функциями. Так, каждая из следующих пар значений, выражается только одним словом: «кровь» – «сок», «рог» – «ветвь», «ухо» – «лист», «шкура» – «кора», «тело» – «ствол», «мясо» – «мякоть», «голова» – «крона, вершина», «убивать» – «срубать», «плакать» – «кровоточить, сочиться» [2, с. 112–114].

Здесь уместно вспомнить об одном остатке активного строя в современном французском: *Il pleut – Он плачет и Идет дождь = Дождит* (принадлежность праиндоевропейского к языкам активного строя убедительно доказана [1, с. 267–319]. Как можно убедиться, в таких находящихся на относительно ранней стадии развития языках «перенос» (на самом деле – распространение) значения разумеется в пределах одной формы и происходит по весьма заметной аналогии признаков, которая воспринимается в первую очередь, что соответствует описанию поверхностного восприятия.

Теперь автор воспользуется возможностью доказать, что метафорические переносы объясняются поверхностностью восприятия возможности создать новое лексическое значение с нейropsихологической точки зрения. Этой возможностью

мы обязаны замечательному исследованию Т.В. Черниговской, которое было проведено с применением деглинского метода электросудорожного припадка, при котором намеренно отключается правое или левое полушария мозга, и результаты которого представлены в разделе «Понимание метафор и идиом левым и правым полушариями мозга» статьи [6, с. 237–243]. Здесь прежде всего необходимо вспомнить, что деятельность правого полушария полностью коррелирует с синкретичным восприятием и в значительной мере с поверхностным восприятием, а деятельность левого полушария коррелирует только с перцептивно нормативным альтернативным восприятием.

Результаты исследования Т.В. Черниговской расставляют все точки над «i»: метафоры образуются и воспринимаются только правым мозговым полушарием [6, с. 240–243]. Из этого следует, что метафорические переносы являются результатом либо синкретичного, либо поверхностного восприятия возможности создать новое лексическое значение. Поскольку при создании метафоры происходит перенос с одной сущности на другую по одному случайно воспринятому, заметному здесь и сейчас признаку, предположить в этом роль синкретичного, то есть ничего не различающего, восприятия невозможно, из чего следует, что речь можно вести только о таком правополушарном явлении, как восприятие поверхностное. Так, благодаря сведениям смежной с лингвистикой и более точной в сравнении с гуманитарными дисциплинами науки удалось гораздо убедительнее доказать то, что ранее подвергалось одностороннему по своей сути гуманитарным сомнениям.

Это точное знание доказывает, что ученые, настаивающие на том, что такое древнее явление, как метафора, обусловливается не присущим древним людям альтернативным восприятием, которые в свою очередь тоже проявляют поверхностное восприятие, поскольку к восприятию и соответственно мышлению древних или первобытных людей они применяют когнитивные параметры современного цивилизованного человека.

Аргумент о том, что различие метафор в разных языках обусловливается различием их культур, тоже является весьма поверхностным суждением, поскольку не учитывает, что причиной достаточно древних культурных различий тоже является поверхностное восприятие, переход от которого к перцептивно альтернативности у разных этносов происходит с разной – перцептивно обусловленной – скоростью. Нетрудно представить не столь уж редкую в истории человечества ситуацию. Один этнос раньше других воспринял прогрессивную альтернативу охоте и собирательству – гончарное производство, не забыв при этом охоту и собирательство, а имея их в качестве опять же комфортной альтернативы. Два других этноса, узнав об этом, повели себя по-разному. Первый этнос воспринял возможность освоения гончарного производства по тому же типу, осознав его как удачную альтернативу не отброшенным охоте и собирательству. Второй этнос не сумел воспринять такую альтернативу и, как следствие, продолжил заниматься только охотой и собирательством, а весь его когнитивный прогресс свелся лишь к обмену более дешевых шкур и корней с плодами на более дорогие гончарные изделия. В результате у двух этносов в языках появились термины гончарного производства, а у одного – нет. Этот пример доказывает, что культурные различия тоже обуславливаются тем или иным восприятием возможностей развития.

Важно сказать и том, что упомянутые в начале статьи метафоры как «источники яркой образности» создаются поэтами и (реже) писателями, то есть правополушарными людьми литературы как вида искусства, не целенаправленно путем тщательного ментального перебора всех признаков предмета (трудно и даже, по всей видимости, невозможно создать метафору намеренно), а достаточно пассивным путем испытания внезапного озарения, сразу после которого, как писал А.С. Пушкин, «руки тянутся к перу, перо к бумаге», а кто-то принимается записывать внезапно пришедшие ночью во сне, полные ярких авторских метафор стихи прямо на обоях у кровати. Весьма сомнительно, чтобы нобелевский лауреат Иосиф Бродский, который при написании знаменитого и весьма почитаемого, в частности Сергеем Довлатовым, стихотворения «На смерть друга» употребил такие яркие авторские метафоры, как «белозубой змее в колоннаде жандармской кирзы» (в том числе и так он назвал ушедшего из жизни друга), пришел к этим метафорическим переносам в результате тщательного обдумывания каждого из большой палитры признаков друга (вероятнее всего, сама мысль о таком «бухгалтерском» способе создания художественных образов была бы для поэта оскорбительна). Это еще одно нейропсихологическое доказательство того, что метафорические переносы являются (вовсе не печальным, а полным природного таланта) результатом правополушарного поверхностного восприятия возможности создать новое лексическое значение.

Выводы. Таким образом, рассмотрение создания метафор в контрастивном и нейропсихологическом аспектах позволило убедительно подкрепить положение о том, что метафора является следствием поверхностности восприятия возможности создать новое лексическое значение. Представляется симметрично целесообразным изучение в этих же аспектах внутренних форм этимологически производных слов, ибо русские *окно* от *око*, а англ. *window* от *wind* (ветер) наводят на аналогичные перцептивноцентричные размышления.

Литература:

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Кн. 1. Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. XCVI, 428 с.
2. Климов А.Г. Типология языков активного строя. М. : Наука, 1977. 320 с.
3. Попов С.Л. Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект: дисс. ... докт. филол. наук. Харьков, 2015. 453 с.
4. Попов С.Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования : монография. Харьков : НТМТ 2013. 150 с.
5. Попов С. Метонимия и метафора как корреляты двух этапов вынужденно поверхностного восприятия возможности создать новое лексическое значение // *Jazykovedný časopis*. № 1. Roč. 67. Bratislava, 2016. S. 31–44.
6. Черниговская Т.В. Гетерогенность мышления и эволюция когнитивных предпочтений: кросс-культурные и нейропсихологические аспекты // Черниговская Т.В., Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М. : Языки славянской культуры, 2013. С. 234–250 (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
7. Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М. : СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с. (Серия Humanitas).

Popov S. On the problem of metaphoric transfer as a correlate of superficial perception of the possibility to create new lexical meaning: contrastive and neuropsychic verification

Summary. The paper deals with the origin of metaphors being traditionally of great interest for many linguists; however, cognitive-evolutionary approach to the analysis of that problem should be considered as the incompletely implemented one. Acceptance of the availability of cognitive-evolutionary algorithm “perception → thinking logic → language logic” is the basis of the cognitive-evolutionary process. In this context, the perception may be: 1) absolutely right-brain syncretical, i.e. integral and not allowing differentiating the features with the further categorization of the objects; 2) mostly right-brain superficial, i.e. oriented to the nearest, the most visible “surface” features used for the categorization, which is often erroneous; and 3) left-brain alternative, i.e. oriented to all the available features owing to which certain feature may be selected for the correct categorization.

Objective of the paper is to represent contrastive and neuropsychological proofs of metaphors’ stipulation by the perception superficiality of the possibility to create new lexical meaning. Contrastive verification of that statement is possible in terms of the material of well-known zoo-metaphors formed from the names of four popular animals: hedgehog, hare, turtle, and elephant. Perception superficiality of the feature for metaphoric transfer in terms of contrastive aspect is proved by the fact that the name of one and the same animal is metaphorized in many ways in different languages.

Moreover, to create metaphor, only one feature is selected randomly among the numerous features of the specific animal; besides, each language selects only one specific feature. Superficial perception of a feature for metaphoric transfer in terms of neuropsychological aspect is proved by referencing to the corresponding research by T.V. Chernigovskaya. Results of her research demonstrate the fact that the formation and recognition of metaphors take place in the right brain – it is the superficial perception that correlates with this brain hemisphere.

Scientific inconsistency of the argument, concerning the fact that the metaphor differences in different languages are stipulated by the cultural differences, is proved. It is emphasized that bright original metaphors are created not purposefully by careful mental selection of all the object features but by means of accidental right-brain aha moment.

Key words: metaphor, cognitive-evolutionary approach, perception, functional differentiation of brains hemispheres, contrastive linguistics, neuropsychology.